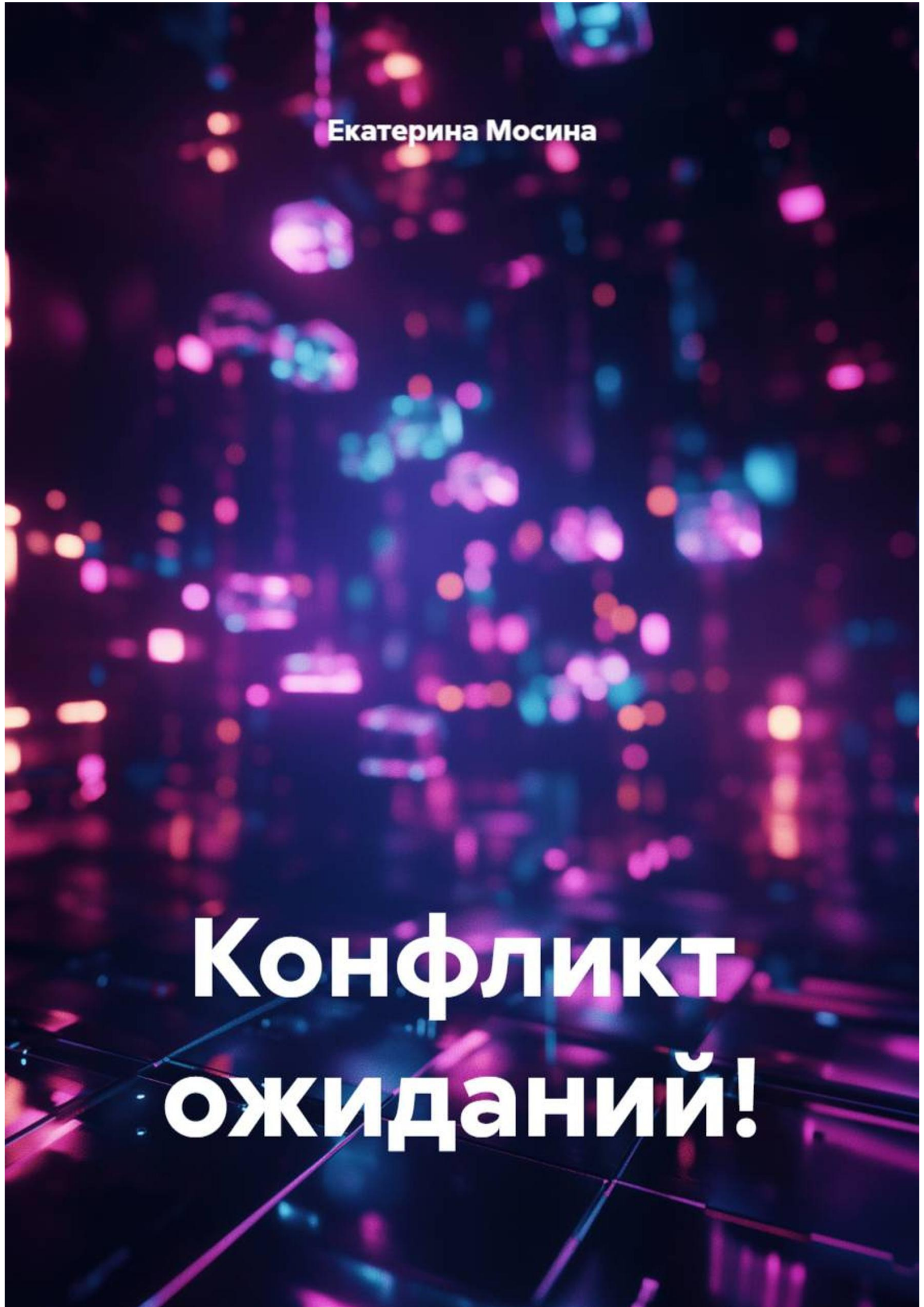

The background is a dark, abstract composition. It features numerous out-of-focus light spots in shades of magenta, pink, and cyan, creating a bokeh effect. Overlaid on this is a faint, three-dimensional wireframe grid that recedes into the distance, adding a sense of depth and digital or architectural structure.

Екатерина Мосина

Конфликт ожиданий!

Екатерина Мосина

Конфликт ожиданий!

«Автор»

2026

Мосина Е. А.

Конфликт ожиданий! / Е. А. Мосина — «Автор», 2026

Психологическая проза / Семейно-бытовая драма с элементами философской притчи. Осень 2020 года. Две семьи — Августюша и Ксенофонт, Августа и Фёдор — родственные души. Мир, уставший от пандемийного одиночества, жаждет тепла — и они находят его друг в друге. Но в их орбиту врывается третья семья — итальянцы Лина и Антонио. Яркие, глубокие, страстные. Лина — психолог, аналитик, человек, привыкший препарировать чувства. Августюша — эмоциональная, открытая, живущая сердцем. Их встреча становится началом не только дружбы, но и испытания. «Конфликт ожиданий» — это история о том, как связь между людьми проходит проверку тишиной, обидой и годами молчания. О том, что настоящая дружба взрослых — не подарок судьбы, а ежедневный, сознательный выбор. И что порой, чтобы удержать друг друга, нужно сначала отпустить. И научиться слышать не только чужую громкость, но и чужую тишину. Для всех, кто знает, как трудно быть «слишком» — и как важно найти тех, кто примет тебя без поправок.

© Мосина Е. А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: «Сигнал из хаоса»	5
Глава 2: «Орбиты сближения»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Екатерина Мосина

Конфликт ожиданий!

Глава 1: «Сигнал из хаоса»

Весна 2021 года пахла не просто оттепелью, она пахла жизнью, вырвавшейся на волю. После долгой, выматывающей осени – пика пандемии, мир снова научился дышать полной грудью, не боясь. Воздух, ещё прохладный, но уже мягкий, словно обнимал за плечи тех, кто решился выйти из своих коконов. Вакцина стала не просто уколом в плечо, она стала пропуском в ту самую прежнюю жизнь, где можно было обнять друга, смеяться в полный голос и верить, что завтра будет таким же светлым.

Августюша стояла у окна, поправляя на себе лёгкий шарф, и ловила это ощущение. Ей тридцать шесть, а казалось, что шестнадцать — столько было в грузе этого дня трепетного ожидания. Их семья — она, Ксенофонт и восьмилетний Радаслав — собиралась в гости. Не просто в гости, а на день рождения Августы, женщины, с которой их свела судьба, а точнее — настойчивое желание их семей дружить.

«Семьи должны дружить», — говорили они с Ксенофонтом, и в этом была своя, особенная логика. Мир слишком хрупок, чтобы жить в нём в одиночку.

— Папа, а они такие же, как мы? — спросил Радаслав, завязывая шнурки уже в третий раз, добиваясь идеальной симметрии. Ксенофонт, высокий, спокойный мужчина с внимательными глазами, поправил очки у супруги Августюши (он очень любил порядок).

— Никто не бывает таким же, сын. Но это и интересно. У них две девочки, Юлиана и Марфа. Будет весело.

Дорога до загородного дома Августы и Фёдора пролетела в лёгком напряжении и шутках. Августюша ловила себя на мысли, что она как школьница перед первым свиданием — ладони чуть влажные, в голове крутятся варианты первых фраз. «А вдруг не сложится? А вдруг мы им не понравимся?» — шептал внутренний голос. Но тут же другой, более глубокий и уверенный, отвечал: «Случайности — неслучайны».

Дом оказался уютным, пахнувшим яблочным пирогом и свежей краской. Их встретила сама Августа — женщина с лучистыми глазами и энергией, которая чувствовалась за версту. Ей тридцать четыре, но в её смехе была какая-то девчоночья непосредственность. Рядом стоял Фёдор, крепкий, улыбчивый мужчина, который сразу взялся помогать Ксенофонту с коробкой вина. Девочки, Юлиана и Марфа, шести и десяти лет, с любопытством разглядывали Радаслава, и через пять минут они уже вместе исследовали таинственный чердак.

Казалось, всё идёт как по маслу. Вино лилось, смех гремел, дети носились по участку. Августюша чувствовала, как внутренний зажим постепенно отпускает. С Августой говорилось легко, будто они подхватывали мысли друг друга на полуслове. Они говорили о детях, о книгах, о том, как странно устроен мир после всеобщей изоляции.

— Знаешь, — сказала Августа, наливая им обеим чай, — я верю, что люди приходят в нашу жизнь не просто так. Как пазлы. Иногда кажется, что деталь не подходит, а потом понимаешь — она была нужна для совсем другого участка картины.

— Энтропия, — неожиданно для себя сказала Августюша. — Прости? — Энтропия. Хаос. Вся вселенная к ней стремится. Но я верю, что иногда хаос... образуется. В управляемую энтропию. В порядок более высокого уровня. Как наши состояния сейчас. Мы все были вразнобой, а сейчас... собираемся.

Августа смотрела на неё с тихим изумлением, а потом улыбнулась такой тёплой, понимающей улыбкой, что у Августюши ёкнуло сердце. *Родственная душа*, — пронеслось в голове ярко и чётко, как вспышка. Она даже на мгновение смутилась от этой внезапной, почти мистической уверенности.

Именно в этот момент на пороге кухни возникли они. Казалось, что вместе с ними в комнату ворвался не ветер, а целый шквал другой, более яркой и громкой жизни.

— *Ciao a tutti!* Мы не опоздали? — звонко прозвучал женский голос.

Это были Галина, которую все сразу стали звать Линой, и её муж Антонио. Итальянцы по крови, русские по душе и судьбе. История их семьи витала вокруг них, как аура: репрессии, переезд, хоккейная слава Антонио, возвращение. Лине было тридцать семь, и в её глазах горел острый, аналитический огонёк психолога, который привык разбирать мир на составляющие. Антонио, тридцати девяти лет, держался с немногосложной, но внутренне напряжённой уверенностью человека, который прочно стоит на своей земле, но на чужой — слегка настороже.

За ними робко жались их дети — шестнадцатилетний Леонардо, похожий на юного мыслителя, и шестилетняя Антонина, крепко державшаяся за руку брата.

Знакомство было бурным, щедрым на жесты и комплименты. Лина, едва скинув пальто, окинула Августюшу оценивающим, но доброжелательным взглядом.

— Августюша? Какое редкое, царственное имя! Я сразу вижу — человек думающий, рефлекслирующий. Мы с тобой, я чувствую, найдём о чём поговорить.

Их разговор действительно схлестнулся мгновенно — о Юнге, о современных подходах в инклюзии, о детской психологии. Августюша, сама педагог, ловила каждое слово. Лина говорила страстно, ярко, её речь была похожа на искрящийся фейерверк мыслей. Но где-то на периферии сознания Августюша чувствовала настороженную тишину Ксенофонта. Он наблюдал, изредка вставляя реплику, и его молчание было красноречивее слов.

Вечером, когда дети устали и разбрелись по диванам, а мужчины разговорились о работе у камина, Августюша вышла на веранду подышать. К ней почти сразу присоединился Ксенофонт.

— Ну-как? — спросила она, глядя на звёзды, внезапно яркие после городской дымки.

— Августа и Фёдор — золотые люди, — сказал он твёрдо. — Искренние. Наши.

— А итальянцы? Ксенофонт помолчал, выбирая слова. — Яркие. Очень. Как... фейерверк. Красиво, шумно, но после него иногда остаётся запах пороха и тишина. Слишком громкие. Слишком... не ментальные, что ли. Чувствую стенку какую-то у него, у Антонио. Но..., — он вздохнул, — ...может, я ошибаюсь. Может, это просто другая орбита.

Орбита.

Это слово засело в памяти Августюши. Она снова посмотрела в дом, сквозь стеклянную дверь. Лина что-то горячо доказывала Августе, жестикулируя. Августа слушала с улыбкой, но в её позе была лёгкая усталость. А потом её взгляд встретился с взглядом Августы. И снова — эта мгновенная, беззвучная волна понимания. «*Мы — свои*», — сказал этот взгляд.

В тот момент к Августюше пришло странное, ясное осознание, которое она сформулировала про себя уже позже, лёжа ночью рядом со спящим Ксенофонтом:

«Хаос мира — это просто несобранный пазл. Сегодня нам в руки упало несколько новых деталей. Одну — Августу — я узнала сразу, как родную. Другую — Лину — разглядываю с интересом и лёгким трепетом. Энтропия наших одиночеств, наших пост-ковидных состояний начинает образовываться. Во что? Пока не знаю. Но чувствую — это начало чего-то важного. Навсегда».

Она повернулась на бок и улыбнулась в темноту.

Случайность?

Нет.

Это был первый, едва уловимый сигнал из хаоса.

Сигнал, который говорил, что одиночество кончилось.

Начиналась дружба.

Глава 2: «Орбиты сближения»

Лето после их встречи оказалось стремительным и щедрым на совместные дни. Хаос начал обретать первые, ещё причудливые, но уже прочные очертания.

Орбиты их семей стали сближаться с почти гравитационной неизбежностью.

Сначала это были походы в театр — большим гурьбой, с шуршанием обёрток от конфет и сонными детьми на обратном пути. Августюша и Лина сидели рядом, и в антракте их разговоры уносились так далеко от сюжета спектакля, что потом приходилось наспех додумывать финал.

Но Августюша всегда была несдержанно, всегда открыта и прямолинейна в своих эмоциях и проявлениях, что всегда (как и в первую их встречу) привлекало Лину, но она немного чуралась всего влекущего ее — внутри говорили слова: «Надо все сдерживать, нести глубоко в себе..., не время и не место! Позже...»

— Ты понимаешь! — говорила Лина, размахивая стаканчиком с кофе, — вся эта система инклюзии у нас построена на песке. Формально есть, а по сути — нет. Нужно не адаптировать ребёнка к системе, а систему — к ребёнку! Это же очевидно!

Августюша кивала, ловя себя на мысли, что её собственные, ещё не оформленные идеи Лина выстраивала в безупречную логическую цепочку. Это было восхитительно. Как найти книгу, в которой написаны твои же мысли, только лучше и ярче.

— Я думала об этом после случая с одним мальчиком в моей группе студентов, где я предложила им нарисовать маркетинг их товара, например, тогда я решила пусть это будет: «облако», — делилась Августюша. — Мы рисовали облака, а он нарисовал чёрный квадрат и сказал, что это облако в полночь. Его поправили: «Так не бывает». А я потом неделю думала: а почему, собственно, нет?

Лина хватала её за руку, глаза её горели.

— Вот! Видишь? Это и есть системная ошибка! Мы отсекаем вариативность мышления на корню!

Ксенофонт и Антонио в это время обсуждали что-то своё у барной стойки, изредка поглядывая на жен. Ксенофонт с лёгкой улыбкой, Антонио — со скрытым напряжением, словно пытаясь расшифровать код, на котором говорят эти двое.

Потом был фестиваль воздушных шаров.

Они договорились ехать на рассвете, чтобы застать момент, когда огромные разноцветные купола начинают наполняться горячим воздухом, медленно и величаво отрываясь от земли. Августюша, собираясь, надела свои любимые джинсы и простую белую блузку. Но в последний момент её рука потянулась к полосатой тельняшке, подаренной когда-то другом-моряком. Что-то в этой идее утра на поле казалось ей морским, с оттенком Прованса в своей романтической простоте.

Когда они встретились на лугу, уже залитом первым золотым светом, Августюша ахнула. Из машины Лины вышла... Лина в тельняшке. Точь-в-точь такой же сине-белой полоске.

На секунду воцарилась неловкая тишина. Дети уже побежали к шарам. Мужчины переглянулись. Лина замерла, её лицо омрачилось лёгкой, но отчётливой досадой.

— Ой, — сказала она, и в её голосе прозвучала фальшивая нота. — Попали в ситуацию «две дамы в одном платье». Казус.

Августюша же, напротив, почувствовала прилив такой тёплой, радостной волны, что не удержалась и рассмеялась.

— Это не казус! — воскликнула она. — Это знак! Настоящее родство душ. Мы же даже не сговаривались. Мы просто почувствовали один и тот же ветер — наш общий.

Она подошла и обняла слегка окоченевшую Лину. Та через мгновение расслабилась, и на её губах дрогнула улыбка.

— Ну, если как знак... Тогда ладно. Но всё равно, я терпеть не могу совпадений. Они лишают индивидуальности.

— Совпадение — это высшая форма закономерности, — парировала Августюша, и они пошли к остальным, плечом к плечу, в своих одинаковых полосках, похожие на экипаж одного корабля, отправляющегося в неизведанное.

Новый год они встречали все вместе, в доме у Августы и Фёдора. Это было море огней, домашних пельменей по рецепту Фёдора, итальянской пасты от Антонио и смеха. В полночь, когда дети уже спали, укутанные в одеяла в соседней комнате, взрослые сидели за столом, и разговор пошёл о самом важном.

— А что для вас самое ценное в этой... нашей новой связи? — спросила Лина, обводя всех взглядом.

— Чувство тыла, — без раздумий сказал Ксенофонт.

— Что ты не один. Что есть люди, которым не нужно объяснять, почему ты такой. — Возможность быть собой, не притворяясь, — добавил Фёдор.

— Для меня это... назовем ее «лаборатория душ», — сказала Лина. — Место, где можно безопасно исследовать чувства, мысли. Где тебя выслушают и поймут, даже если не согласятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.